

Мануэлла

Измена. Я (не) прощу

УДК 82-3
ББК 84-4
М24

Мануэлла

М24 Измена. Я (не) прощу / Мануэлла. – М.: Литнет, 2026. – 372 с.

ISBN 978-5-521-99396-3

Арину предал муж. Предала семья, которую она считала своей, родной.

Можно ли восстать из пепла, простить и понять?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 – ФЗ.

ISBN 978-5-521-99396-3

© Литнет, 2026
© Мануэлла, 2026

1

*Любовь – взрыв пламени, огонь,
Всё лучшее, что с нами было.
Но к сердцу поднеси ладонь –
Оно как лёд, оно остыло...*

– Дамир, смотри, а вот такой вариант маме подойдёт? – искоса люблюсь мужем, попутно забывая, о чем спросила. Поэтому его ответное «угу» не вызывает во мне того лёгкого оттенка обиды, что в последнее время стал моим постоянным спутником. Дамир и прежде не был особо трепетным и ласковым мужчиной – холодный, уравновешенный, уверенный в себе и немногословный. Не человек – машина, биоробот, что днями и ночами пропадал в офисе. А с недавних пор совсем ушёл в себя, даже дома, видимо, думая о моей сопернице за его сердце, все той же работе.

Нет, конечно, я понимала – мужчина должен прежде всего думать о том, как содержать семью, как развиваться в работе или развивать своё дело. Но не зря говорят «женат на работе» – видно, мой Дамир был одним из таких. Его отец, известный в нашем городе бизнесмен, Аят Разикович Миннеханов, был точно таким же – с суровым тяжёлым взглядом, немногословным, посвятившим свою жизнь бизнесу и семье. Да и мама, Гульназ Ибрагимовна, была сродни ему – хоть она и посвятила себя дому и детям, но не было в ней того душевного тепла, что присуще многим женщинам. Казалось, она скорее хозяйка большого дома, чья главная цель – смотреть за тем, чтобы всё в нем было идеально, работало точно часы, единым слаженным механизмом. Этакая современная валиде-султан со светским налетом.

Сначала я даже не понравилась ей в качестве невестки, и лишь твердое решение мужа заставило её смолчать, спрятав собственное мнение под холодной улыбкой. Но теперь, спустя два года, что я была замужем за её сыном, наше общение стало более-менее сносным. Она приглашала меня на все семейные торжества, часто даже рисуясь перед родственницами примерно в таком плане «вот, с моей подачи сын нашел хоть и русскую, но воспитанную почти в наших традициях – скромная, тихая, домашняя». Дарила драгоценности, всякий раз требуя надевать их на каждое такое мероприятие. А ещё ... ещё едва ли не каждую неделю интересовалась, когда же я подарю ей внука или внучку, приводя в пример то одну, то другую невестку знакомых, что в ее версии едва ли не за свадебным столом родила здорового пухлощекого (а то и двоих) карапуза.

А вот отец, как ни странно, принял меня почти сразу, хоть на первое знакомство я шла на ватных трясущихся ногах, полагая, что именно от него услышу нечто вроде «эту дворняжку – и в нашу уважаемую семью?!». Да и сама встреча рисовалась мне чем-то вроде вызова на ковёр. Аят Разикович, угрюмый и недовольный, сидит в огромном кабинете, где я – точно песчинка в море, и задаёт каверзные вопросы, а после, оборвав на середине, требует, чтобы я покинула их

дом и никогда не смела впредь подходить к нему ближе чем на сто метров. Каково же было мое удивление, когда на ужине именно Аят Разикович следил, чтобы я поела, не смущалась, а после, отпустив прислугу, велел своей жене «угощать гостью». Как он полузагадочно объяснил, это – первый и последний раз, ведь скоро будет совсем наоборот. И только после свадьбы, совершая обряд подношения родителям, где новобрачная с поклоном угощает новоиспечённых свёкра и свекровь собственноручно испеченным хлебом, я поняла, о чем он тогда говорил. Получается, свекр изначально знал о планах сына? Впрочем, о чем это я? Разве у них принято приводить в дом не невесту, а просто девушку? И, всё же, воспоминания о том времени до сих пор заставляют невольно поежиться. Сколько нервов, сколько неуверенности в себе, в будущем, в Дамире, хоть он ни единого раза не давал повода усомниться в серьезности намерений...

– Хорошо, тогда закажем его. – задумчиво вожу пальцем по экрану планшета – Ей идеально такой набор подойти должен по цветовой гамме к столовой. И доставка здесь быстрая, день в день. Мы можем сегодня ей его отдать, чтобы завтра она уже могла стол украсить? Как думаешь?

Вижу, как Дамир морщится точно от зубной боли:

– Я не могу сегодня. – коротко бросает он – Дел много. Я и завтра на несколько минут заеду..

– Я...но мы же... – слегка опешиваю от того, что он отказывает, по сути, не мне, а матери. У той так просто не пропустишь семейного праздника – Мы же договорились поехать сегодня. Вместе. – уточняю зачем-то, видя, как растет недовольство мужа.

– Ну что ты хочешь, Арина?! Мне бросить все дела и таскаться за тобой как собачка?! – психует он, резко вставая с кресла. Отшатнувшись, машинально съеживаюсь, хоть и знаю, что он никогда в жизни не поднимет руку на женщину. Заметив мой невольный жест, Дамир злится ещё больше:

– Бл...дь, Арина, ну что ты дёргаешься! Съезди к маме, передай ей поздравление от нас двоих, скажи, что буду завтра – да и все.

У Гульназ Ибрагимовны всегда два дня рождения – один, домашний, для родных и близких, другой, основной, для друзей и партнёров мужа по бизнесу. И чтобы кто-то мог пропустить «домашний»?! Да там уважительной причиной даже природный катаклизм не всегда мог быть. Должен присутствовать и чествовать именинницу. И никак иначе. Поэтому я удивлённо таращусь на мужа, а он, понемногу обуздав свое недовольство, в пару шагов преодолевает расстояние между нами. Обхватив мою голову ладонями, наклоняется, целуя в лоб:

– Прости, малыш, небольшие проблемы с делами. Ты у меня – умничка, и сама справишься за двоих, а завтра я приду на подстраховку, договорились?

И, не дождавшись ответа, размашистым шагом выходит из комнаты.

А мой вечер превращается в мучительные раздумья – теряю ли я мужа или же наоборот, накручиваю себя почём зря. Да, он отдаляется, и этого невозможно не заметить. Стал все больше времени проводить на работе, и без того не романтик, сейчас и вовсе перестал мне отвечать «люблю» или просто говорить комплименты. Даже в супружеской постели у нас... полный штиль, хоть я и стараюсь держать себя в форме. Всегда с лёгким макияжем днём, в гардеробе нет домашних бесформенных маек или штанов с вытянутыми коленками. К вечеру переодеваюсь в красивый комплект нижнего белья или сексуальную ночную рубашку, подчас даже сама испытывая неловкость за то, что приходится вот таким вот нарядом соблазнять своего же мужа. Но Дамир, который совсем недавно невольно замирал, с жадностью глядя на то, как я нарочито медленно втираю крем в тело, сейчас просто хмуро листал новости или требовал приглушить свет, мешающий уснуть. А иногда и вовсе уходил в другую спальню, мотивируя это тем, что завтра важный

день, и он должен хорошо выспаться. Словно бы я когда-то мешала это сделать?! Однажды я сильно обиделась на подобное, но Дамир даже не дослушал моего возмущения, оборвав недовольно:» Арина, прекрати вести себя как избалованный маленький ребенок! Ты уже – взрослая замужняя женщина! Мне нужно работать, содержать семью. Одной любовью сыт не будешь!». И все равно ушел. Правда, ещё и примерно с неделю после он ночевал в другой спальне, а со мной перебрасывался буквально парой слов. Зная наперед, что я не выдержу такой морального прессинга – прибегу мириться первой. Так и случилось. Испекла его любимый сливовый пирог, ждала точно собачка у двери, разве что тапочки в зубах не держала. Больше молчала и улыбалась – за что и получила смягчение условий отбывания наказания равнодушием. Меня похвалили и обняли, в эту ночь мы даже занимались любовью...

А, с другой стороны, частенько заставляла себя хотя бы попытаться взглянуть на ситуацию с другой стороны. Аят Разикович постепенно отходит от дел, оставляя все сыну. Естественно, Дамир должен стараться, должен показать, что он заслуживает и отцовского доверия, и бизнеса, что тот годами строил. А тут я. Вместо помощи – одни упрёки. Вместо понимания того, что уставший и измотанный муж пришел домой, желая лишь покоя и отдыха – мое нытье и недовольство, упрёки, упрёки, упрёки. Тут любой озлобится.

Другая часть моей натуры возмущённо кричала, что я ведь не требую от него тусовок, походов в рестораны, клубы, не делаю ничего предосудительного – я просто прошу своего мужа уделить мне хоть немного времени. Времени вдвоем. Пускай это будет совместный просмотр фильма или сериала, на середине которого я усну, или же просто прогуляться по саду у дома, на который я потратила столько времени, лично создав проект, а потом выбирая растения и деревья. Или, может, просто уснуть, как бы это банально ни звучало, в обнимку. Но в последнее время отчего-то чувствовалось, что Дамир рядом со мной только из какой-то мучительной для него необ-

ходимости. Словно бы и сам факт моего существования для него неприятен. Да и в общении теперь часто срывался или огрызался, не грубо, но так, как раньше не позволил бы себе никогда. Такие частые перепады настроения, усталость, раздражительность стали повседневной обыденностью, новой реальностью. Вот только я не желаю с ней мириться!

2

– Вот, смотри, маме только не говори, ладно? – точно собачка преданно заглядывает мне в глаза Фидан, моя шестнадцатилетняя золовка – В нем пойду на выпускной. – она хитро подмигивает мне, вскакивая с кровати. Ультракороткое зелёное платье, полностью покрытое пайетками, переливается искорками в её вытянутых руках.

– Ну, как? – она прикладывает его к себе, чуть оглаживая по бедрам – Круто ведь, а?

Я качаю головой:

– Круто-то круто, но разве тебе разрешат пойти в нем? – отвечаю, а сама нервно поглядываю на темный экран телефона. Сегодня мне удалось упросить Дамира заехать хотя бы на полчаса, но вот уже время, а его всё нет, и на звонки то не отвечает, то недоступен. И сообщения в мессенджере не прочитаны.

– Ты меня не слушаешь совсем! – недовольно фыркнув, Фидан спешит к зеркалу, оглядывая себя со всех сторон – Я же сказала – она и знать не будет. Мы с Мирой договорились – переодеваюсь у нее. И туда, и обратно. Тем более, мне разрешили заночевать у Мирки, так вообще идеально. Мама все равно считает, что после девятого выпускной лишь у тех, кто уходит из школы. Так что она не придёт. А папа ...

Телефон вибрирует, я тут же бросаюсь к нему под презрительный смешок Фидан. Она никогда не понимала ни моего раболепства, как она называла мои старания угодить её брату, ни его холодности, часто пытаясь отчитать его. Естественно, тут же сама получала гневную отповедь, но при этом новых попыток не оставляла. Фидан всегда была на моей стороне, в ее лице я обрела младшую сестренку, о которой всегда мечтала.

– Что ты за ним как собачка на привязи? – учит меня будущая одиннадцатиклассница, отчего тень обиды скользит по моему лицу.

Неужели у нас все так плохо, что это всем со стороны видно? А ещё мне стыдно. Стыдно, что маленькая девочка учит меня, взрослую дурочку, как манипулировать мужчинами. Нет, Фидан – очень милая и порядочная девушка, у нее даже парня нет и быть, собственно, не может. Но это не мешает ей своим характером и внешностью обеспечить себе титул самой неприступной красавицы в их элитной гимназии. Наверно, учись я там вместе с ней, была бы той самой серой мышкой на контрасте. – Выключи телефон, да и всё.

– А если он звонить будет? – смахиваю пальцем уведомление, о том, что абонент снова в сети, заставляя себя хоть для приличия выждать пару минут, не кидаясь сразу набирать заветный номер.

– Пффф, – ухмыляется Фидан, отбрасывая платье в сторону, и направляясь к гардеробной – Скажи, «ой, извини, зарядка кончилась, наверно. Не заметила.». И всё. Ему и сказать нечего тебе будет, и покажешь, что тебе и без него прекрасно. А так ты бегаешь за ним... – Фидан, осекшись, поворачивается ко мне с парой туфель в руках – Извини, я не хотела – краснеет она.

Расстроенная тем, что все мои сообщения в мессенджере теперь в статусе «прочитано», но остались без ответа, машинально киваю.

– Как думаешь, какие лучше? – Фидан поднимает кверху руки с зажатой парой туфель в каждой. Она смешно кривляется, помахивая руками точно весы – Ну? Эти – она поднимает чуть выше правую руку, в которой держит светло-золотистые туфли – или эти? – теперь вверху левая, с черными лаковыми босоножками.

– Я... эммм... нууу – тяну я, не зная, как сказать, что обе пары совершенно не подходят к этому платью, и не обидеть девочку. Но Фидан лишь смеётся, отбросив их к платью, прямо на пол. И снова устремляется в гардеробную.

– Вот видишь. – доносится оттуда ее приглушённый голос, прорываясь через хлопанья дверцами шкафов – Твоя проблема в том, что ты всегда думаешь о других больше, чем о себе. Поэтому ты привыкла подстраиваться под других, жить так, как хотят видеть